

УДК 801:001.89
ББК 81.001.91
Н 27
М.Р. Напцок

Дискурс В.Набокова: билингвизм и проблемы перевода
(Рецензирована)

Аннотация

Цель статьи - анализ дискурса В.Набокова с точки зрения билингвизма писателя и проблем теории и практики перевода. Задачи исследования: охарактеризовать координативный билингвизм В.Набокова как уникальную дискурсивную особенность языковой личности писателя; определить специфику русско- и англоязычного дискурса В.Набокова; рассмотреть взгляды писателя на проблемы перевода. Билингвизм В.Набокова, являясь важной особенностью его языкового сознания, находит отражение в дискурсе писателя и определяет поиск им адекватных форм буквального перевода.

Ключевые слова:

Дискурс, координативный билингвизм, языковое сознание, языковая личность, теория буквального перевода.

Писатель Владимир Набоков прославился как замечательный русско-американский прозаик, поэт, драматург и критик. Личность В.Набокова уникальна: он в одинаковой степени хорошо владел русским, английским и французским языками, окружавшими его с детства вместе с родителями, английскими и французскими няньками, гувернантками и учителями, а также многочисленными разноязычными книгами. «Между десятью и пятнадцатью годами в Санкт-Петербурге я прочитал, наверное, больше беллетристики и поэзии — английской, русской, французской, — чем за любой другой такой же отрезок своей жизни. Особенно я наслаждался сочинениями Уэллса, По, Браунинга, Китса, Флобера, Верлена, Рембо, Чехова, Толстого и Александра Блока. Другими моими героями были Скарлет Пимпернел, Филеас Фогг и Шерлок Холмс. Иными словами, я был совершенно обычным трехязычным ребенком в семье с большой библиотекой», - говорил о себе В.Набоков в интервью Олвину Тоффлеру (март 1963 г.) [1: 154].

Набоков прекрасно писал на каждом из известных ему языков, но ведущими в его творчестве стали русский и английский языки. По словам З.А.Шаховской, «история литературы не знает другого примера писателя, достигшего мастерства, создавшего персональный стиль и своеобразный ритм на двух разных языках» [2: 99]. Интертекстуальные связи между произведениями В.Набокова и зарубежным литературным наследием шире и многообразнее, чем у других писателей первой русской эмиграции, поскольку Набоков не только обладал великолепной памятью и был прекрасно начитан, но и знакомился с разноязычной литературой в оригинале, что открывало большие возможности для творческого развития.

Уникальность языкового сознания В.Набокова заключалась в его многомерности, проистекающей из особенностей мультиязычного воспитания. Писатель с детских лет обладал очень острым ощущением цвета, в редкой мере был наделен «цветовым слухом» - видел буквы в цвете, при этом каждая буква обладала для него «зрительным узором». В мемуары «Другие берега» включена «исповедь синэстета» - своеобразный ключ к пониманию набоковского дара. Этот феномен рассматривает автор монографии «Чужой язык», посвященной двуязычным русским писателям, Элизабет Костли Божур, которая, «опираясь на наблюдения нейропсихологов, именно с двуязычием маленького Набокова связывает эту остроту восприятия и эту «синэстезию». Двуязычный (и трехязычный)

ребенок вообще, по наблюдениям психологов, весьма чувствительное и не вполне обычное существо» [3: 47].

В.Набокову не раз задавали вопрос, на каком языке он думает. Писатель всегда отвечал, что думает образами. Мышление образами как специфическая особенность естественного билингва – не вербальное, ибо «образы всегда бессловесны», но далее следует вербализация образов, и, по словам Набокова, «вдруг немое кино начинает говорить, и я распознаю его язык» [1: 418].

В.Набоков не только свободно писал на двух языках, но и талантливо переводил произведения английской литературы на русский язык и русской классики на английский. Первый опыт В.Набокова в этой сфере – перевод стихотворений ирландского поэта С.О'Салливана в июне 1921 г. Далее появляются переводы Р.Брука, А.Теннисона, У.Б.Йетса, Дж.Г.Байрона, Дж.Китса, У.Шекспира. В 1923 г. в Берлине публикуют набоковское вольное переложение сказки Л.Кэрролла «Аня в стране чудес».

Начиная с 1940-х годов, В. Набоков живет в Америке и пишет по-английски. Лингвистически, по его собственному признанию, переход на новый язык был не очень тяжелым, но эмоционально он оказался мучительным для писателя. «Моя личная трагедия, которая не может, которая не должна быть чьей-либо еще заботой, - говорит Набоков в интервью Питеру Дювалю-Смиту (июль 1962 г.), - состоит в том, что мне пришлось оставить свой родной язык, родное наречие, мой богатый, бесконечно богатый и послушный русский язык, ради второсортного английского» [1: 122].

Координативный билингвизм, свойственный Набокову, - это двуязычие, при котором нет доминирующего языка, однако каждому из знакомых языков писатель отводит определенную роль в своей творческой жизни: «Моя голова – английский, мое сердце – русский...» [1: 162]. Более развернутое объяснение своих отношений с языками, носителем которых является Набоков, он дает в телеинтервью Бернару Пиво (май 1975 г.): «Язык моих предков и по сей час остается тем языком, где я полностью чувствую себя дома. Но я никогда не стану жалеть о своей американской метаморфозе. <...> Я, само собой разумеется, обожаю русский язык, однако английский превосходит его в рассуждении удобства — в качестве рабочего инструмента. Он изобильней, богаче своими нюансами и в сновиденческой прозе, и в точности политической лексики» [1: 394].

Интересны замечания В.Набокова относительно структурных различий между русским и английским языками: «По количеству слов английский гораздо богаче русского. Это особенно заметно на примере существительных и прилагательных. Нехватка, неясность и неуклюжесть технических терминов – одна из самых неудобных черт русского языка. Например, *“to park a car”* («припарковать машину») в обратном переводе с русского будет звучать: «оставить стоять машину на длительное время». Русский, во всяком случае его вежливая форма, более официален, чем вежливая форма английского». «С другой стороны, русский более богат средствами выражения определенных нюансов движения, человеческих жестов и эмоций. Так, меняя начало глагола, для чего в русском языке есть полдюжины приставок на выбор, можно добиться выражения чрезвычайно тонких оттенков длительности и интенсивности действия. Синтаксически английский язык чрезвычайно гибкое средство, но русскому доступны еще более тонкие изгибы и вариации» [1: 146-147].

Исследователь творчества В.Набокова Жан Бло так характеризует английский язык писателя: «Язык этот очень своеобразен и, разумеется, помечен происхождением его носителя, то есть как по форме, так и по интеллектуальной насыщенности имеет довольно сильный русский акцент, - в том же самом смысле, в каком у Фолкнера акцент писателя Миссисипи, у Джойса дублинский, у Зингера бруклинский. Набоков выиграл пари: его вселенная, его стиль чувствовать и мыслить смеются над языками и географией, вознося личность на уровень не только транснациональный и транскультурный, но и транслингвистический, трансцендентный» [4: 168].

Безусловно, двуязычный писатель — неординарная языковая личность, преимуществом которой, по словам В.Набокова, является возможность «передать точный нюанс, переключаясь с языка на язык» [1: 323]. Однако есть и отрицательные стороны в творчестве автора, пишущего на разных языках. Среди них Набоков отмечает невозможность «следить за постоянно меняющимся сленгом» [1: 323], «отсутствие естественного словарного запаса» [1: 226]. «Из двух инструментов, находящихся в моем распоряжении, один — мой родной язык — я уже не могу использовать, - говорит Набоков в интервью Герберту Голду и Джорджу А.Плимptonу (сентябрь 1966 г.), - и дело здесь не только в отсутствии русской читательской аудитории, но еще и в том, что напряженность литературной жизни в русской среде постепенно упала с тех пор, как я обратился к английскому в 1940 году. Мой английский, второй инструмент, которым я всегда обладал, негибкий, искусственный язык, может быть, и подходит для описания заката или насекомого, но не может не обнаружить синтаксической бедности и незнания местных средств выражения, когда мне нужна кратчайшая дорога между складом и магазином. Старый «фоллис-ройс» не всегда предпочтителен обыкновенному джипу» [1: 226].

Переехав в США, В.Набоков начинает переводить русскую поэзию на английский язык. Появляются переводы стихотворений В.Ходасевича (1941), выходит сборник «Три русских поэта» со стихотворными переводами из А.С.Пушкина, М.Ю.Лермонтова и Ф.И.Тютчева (1945). Совместно с Э.Уилсоном В.Набоков переводит «Моцарта и Сальери» Пушкина (1941).

В это же время писатель вынужден зарабатывать на жизнь преподаванием в американских университетах. Разрабатывая курс лекций по русской литературе, В.Набоков обнаруживает, что многое из русских классиков или вообще не переведено, или переведено настолько плохо, что не пригодно к использованию. В письме В.М.Зензинову от 23 июля 1941 г. В.Набоков сообщает: «Пропасть перевел и прозы и стихов на английский и написал о паршивых переводчиках в New Republic» [5: 65].

В статье “The Art of Translation” («Искусство перевода», 1941), которую упоминает писатель, он впервые излагает свои взгляды на проблему перевода. Так, В.Набоков определяет, «какими качествами должен быть наделен переводчик, чтобы воссоздать идеальный текст шедевра иностранной литературы», а именно: «Прежде всего он должен быть столь же талантлив, что и выбранный им автор, либо таланты их должны быть одной природы. В этом и только в этом смысле Бодлер и По или Жуковский и Шиллер идеально подходят друг другу. Во-вторых, переводчик должен прекрасно знать оба народа, оба языка, все детали авторского стиля и метода, происхождение слов и словообразование, исторические аллюзии. Здесь мы подходим к третьему важному свойству: наряду с одаренностью и образованностью он должен обладать способностью к мимикрии, действовать так, словно он и есть истинный автор, воспроизводя его манеру речи и поведения, нравы и мышление с максимальным правдоподобием» [6: 395].

Вспоминая о своих недавних переводах на английский язык «нескольких русских поэтов, которые прежде были исковерканы плохими переводами или вовсе не переводились» [6: 395], В.Набоков отмечает, что «буквальный перевод в той или иной мере всегда бессмыслен» и что переводчик должен принимать во внимание такие тонкости, как «связь между словами, несоответствие различных семантических рядов в различных языках», когда «три главных слова в строке образуют столь тесное единство, что оно рождает новый смысл, который ни одно из этих слов по отдельности или в другом сочетании не содержит» [6: 396-397].

В 1950 г. В.Набоков начинает работу над переводом «Евгения Онегина» на английский язык, продлившуюся более десяти лет. Практическая деятельность Набокова-переводчика сопровождается изложением собственной теории перевода в статьях, вышедших в 50-е годы. Так, в 1955 г. в “Partisan Review” (XXII) публикуют «Задачи перевода: «Онегин» по-английски» (на английском языке), в 1957 г. в «Новом журнале» (№ 49) и «Опытах» (№ 8) появляются статьи под названием «Заметки переводчика» (на

русском языке), а в 1959 г. в сборнике на английском языке "The Art of Translation" («Искусство перевода») – статья «Рабской стезей». Все эти работы отражают позицию В.Набокова в отношении перевода «Евгения Онегина» на английский язык.

«Заметки переводчика I» содержат идею буквализма, к которой приходит В.Набоков, занимаясь переводческим трудом: «Если «Онегина» переводить — а не пересказывать дурными английскими стишками, — необходим перевод предельно точный, подстрочный, дословный, и этой точности я рад был все принести в жертву — «гладкость» (она от дьявола), изящество, идиоматическую ясность, число стоп в строке, рифму и даже в крайних случаях синтаксис. Одно, что сохранил я, это ямб, ибо вскоре выяснились два обстоятельства: во-первых, что это небольшое ритмическое стеснение оказывается вовсе не помехой, а напротив, служит незаменимым винтом для закрепления дословного смысла, а во-вторых, что каким-то образом неодинаковость длины строк превращается в элемент мелодии и как бы заменяет то звуковое разнообразие, которого все равно не дало бы столь убийственное для английского слуха правильное распределение мужских и женских рифм» [7: 107].

Последовательно реализуя теорию буквального перевода, В.Набоков пишет в «Заметках переводчика II», что сам когда-то «пытался переводить Пушкина и Тютчева стихами с «раскрытием образов», однако «математически невозможно перевести Е.О. на какой-либо иностранный язык с сохранением схемы рифм», ибо это «неизбежно приведет к неточности, к пропуску и к припуску, к преступлению» [8: 37].

В 1964 г. роман в стихах А.С.Пушкина в переводе В.Набокова и с его же огромным комментарием был выпущен Фондом Боллингена (Bollingen Foundation) в Нью-Йорке. Издание представляло собой четыре изящных тома, каждый из которых включал более пятисот страниц: 1-й том занимали предисловие и нерифмованный перевод пушкинского романа на английский язык, 2-й том – комментарий к главам 1-5, 3-й – комментарий к главам 6-10, 4-й – факсимильное воспроизведение последнего прижизненного издания романа (1837) и указатели ко всем томам, составленные Д.Набоковым.

В одном из интервью (июнь 1962 г.) В.Набоков отмечал, что единственной целью десятилетней работы над «Евгением Онегиным» «было создание скрупулезного, подстрочного, абсолютно буквального перевода этого произведения, с обильными и педантичными комментариями, объем которых намного превосходит размеры самой поэмы». Писатель вполне осознавал неуклюжесть, тяжеловесность подобного перевода, одновременно подчеркивая, что «он честен» и «рабски предан оригиналу»: «к каждой строфе (которых более четырехсот, считая варианты)» было написано несколько заметок, а «комментарий содержит анализ оригинальной мелодики и полную интерпретацию текста» [1: 114].

Среди наиболее значительных работ В.Набокова следует отметить переводы на английский язык романа М.Ю.Лермонтова «Герой нашего времени» (в соавторстве с сыном Дмитрием, 1958) и «Слова о полку Игореве» (1960). В «Предисловии к «Герою нашего времени» Набоков вновь отстаивает свою позицию «честного переводчика», утверждая, что «единственными достоинствами добротного перевода следует считать его верность и адекватность оригиналу» [9: 531]. Обращение к переводу и комментарий «Слова о полку Игореве» было вызвано недовольством В.Набокова качеством переводов этого шедевра древнерусской литературы на английский язык. Так, комментируя в рецензии на антологию переводов с русского («Постные щи и паюсная икра», 1944) не самый плохой перевод «Слова», выполненный Герни, В.Набоков замечает, что он, «хотя и необычайно хорош художественно, все же не свободен от определенных ошибок», превращен в «изящную, очаровательную персидскую миниатюру», вместо которой «предпочтительней было бы дать его подлинно научное описание, основательно одобренное обширными подстрочными примечаниями и оживленное глубокой дискуссией относительно разночтений и темных мест, что были несчастьем и усладой русских комментаторов» [1: 485-486].

Перевод собственного романа «Лолита» на русский язык стал для В.Набокова, в сущности, последним его русским произведением, на которое ушло два года напряженного труда. Автоперевод, как отмечают лингвисты и нейропсихологи, представляет особую трудность, поскольку разрушает в сознании билингва перегородки между языками, оберегающие психику писателя. Но «дело было еще и в том, что современный американский язык и американские жаргоны требовали от переводчика знания соответствующего русского языка, более или менее современных жаргонов. Даже если многие из слов, обозначающих американские реалии, имели в русском языке соответствующие эквиваленты, Набоков их знать не мог. К тому же многие лаконичные английские обороты не переводились на русский ни лаконично, ни достаточно точно. Психолингвисты утверждают, что равное знание двух языков мешает переводить, «нарушается языковое равновесие» [3: 505-506]. По словам Ж.Бло, «хотя «Лолита» переведена на русский самим Набоковым, это единственный его роман, который радикально чужд русскому языку» [4: 187].

Благодаря билингвизму В.Набокова в его творчестве «различные национальные потоки, столкнувшись, образовали какую-то новую материю слова» [10: 315]. Л.Грановская характеризует творчество Набокова как «художественный феномен эмигрантской литературы», а самого писателя как «классика русской и английской литературы, создавшего «полинациональный стиль», «синтетическую прозу» [11: 125]. З.М.Тимофеева отмечает, что Набоков «в своем творчестве ориентировался на полиглотическую аудиторию, способную воспринять удивительную многослойность и интертекстуальную насыщенность его произведений». При этом в качестве «одного из излюбленных приемов писателя» выделяется «билингвистический каламбур» [12: 15, 10].

Практически все литературоведы и лингвисты, занимавшиеся творчеством В.Набокова, обязательно подчеркивают важную роль словесной игры в билингвокультурном дискурсе писателя. Так, Н.Анастасьев пишет, что в любой своей книге Набоков «самозабвенно предается» «разного рода словесным играм - придумывает анаграммы, перевертыши, трюки, коротко говоря, «крестословицы», если воспользоваться им же введенным (взамен «кроссворда») выражением» [10: 6]. Для Набокова языковые эффекты были необходимостью «или, точнее сказать, были незаменимым инструментом решения определенных творческих задач» [10: 106].

Билингвизм В.Набокова, являясь важной особенностью его языкового сознания, находит отражение в дискурсе писателя и определяет его тяготение к буквальной передаче оригинального текста в процессе переводческой деятельности. Проблемы теории и практики перевода волновали В.Набокова на протяжении всей его литературной жизни. Перевод как средство межъязыковой и межкультурной коммуникации всегда был актуален для писателя, стремившегося к подлинной достоверности при передаче на чужой язык как собственных произведений, так и творений русских классиков. Склонный к творческой рефлексии, В.Набоков находился в постоянном поиске адекватных форм буквального перевода, который явился бы для читателя ключом к «духу языка» и особенностям культуры другого народа, нашедшим отражение в оригинальном произведении.

Кроме того, билингвизм В.Набокова обусловил и его тяготение к необычным, субъективированным формам речи. Таким образом, двуязычие писателя как необходимая составляющая набоковского дискурса способствовало созданию уникального, виртуозного стиля, в котором наряду с ориентацией на классические языковые формы нашли отражение модернистские эксперименты над словом, в том числе словесные игры, языковые эффекты и словотворчество.

Примечания:

1. Набоков. О Набокове и прочем: Интервью, рецензии, эссе / Сост., коммент. Н.Г. Мельникова. М., 2002. 704 с.
2. Шаховская З.А. В поисках Набокова. Отражения. М., 1991. 319 с.
3. Носик Б. Мир и дар Владимира Набокова. М., 1995. 552 с.
4. Бло Ж. Набоков. СПб., 2000. 228 с.
5. Переписка В.В. Набокова с В.М. Зензиновым // В.В. Набоков: pro et contra. Т. 2. СПб., 2001. С. 65-96.
6. Набоков В.В. Лекции по русской литературе. М., 1998. 440 с.
7. Набоков В.В. Заметки переводчика // В.В.Набоков: pro et contra. Т. 1. СПб., 1997. С. 107-123.
8. Набоков-Сирин В. Заметки переводчика // Опыты: Лит. журнал / Под ред. Ю.П. Иваска. Нью-Йорк, 1957. Кн. 8. С. 36-49.
9. Набоков В.В. Предисловие к «Герою нашего времени» // Набоков В.В. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 1. СПб., 1997. С. 525-537.
10. Анастасьев Н.А. Феномен Набокова. М., 1992. 320 с.
11. Грановская Л.М. Русский язык в «рассеянии»: Очерки по языку русской эмиграции первой волны. М., 1995. 176 с.
12. Тимофеева З.М. Лингвистические особенности гетерогенного художественного текста (Языковые средства выражения русского национального колорита в англоязычных произведениях В.В.Набокова): Автореф. дис. ...канд. филол. наук. СПб., 1995. 19 с.